

**Михаил
Павлович
ХАРЛАМОВ**

Доктор физико-математических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

НА МОЮ ДОЛЮ ТОЖЕ КОЕ-ЧТО ОСТАЛОСЬ

Интервью записал Р. Л. Ковалевский

– Поскольку мы знакомы с 1982 года и уже тогда были на «ты», давай сохраним эту традицию.

Михаил Павлович Харламов: Согласен. С 1991 года мы с тобой виделись, наверно, всего один раз, так что такая форма этих воспоминаний позволит вместе уточнить какие-нибудь детали.

– Расскажи, как ты пришел в ВолГУ и какие этапы там прошел.

М.П.Х.: Весной 1977 года я досрочно окончил аспирантуру механико-математического факультета МГУ, представил диссертацию в Спецсовет № 1 по механике при МГУ (так устрашающе назывались тогда диссертационные советы) и уехал работать на родину – в г. Донецк (теперь это граница – Украина). Попал в «ящик», как тогда называли разного рода конструкторские бюро. Через полгода подошла защита, и, уже кандидатом наук, я перевелся в Донецкий университет. И угодил в ловушку... Тогда доцент по должности, но без звания получал зарплату ассистента (105 рублей), а для звания требовалось (да и сейчас требуется) 5 лет стажа. Была более высокооплачиваемая должность старшего преподавателя, но для «опытных преподавателей, не имеющих ученой степени». А я как раз был «неопытным, но с ученой степенью». Поэтому на ассистентской зарплате мне предстояло работать пять лет. Я решил «усугубить» ситуацию, написав докторскую диссертацию за рекордно короткий срок, что и сделал к 1982 году. Защита, конечно, заняла бы еще, как минимум, год. В это время в Донецк приехал в командировку из Волгограда профессор В. М. Миклюков (окончивший в свое время Донецкий университет), которому М. М. Загорулько поручил с 1981 года подбирать кадры для математического факультета. До этого преподавание велось, в основном, вахтовым методом. В. М. предложил мне попробовать устроиться на работу в ВолГУ. А так как в Донецке меня ничего не держало (ни жилья, ни зарплаты), то я и прибыл на собеседование к Максиму Матвеевичу. Честно скажу, не помню, знал я или нет, что он требует расписку о сроке защиты докторской (как он говорил, «оставить отпечатки пальцев»), но переплетенный вариант диссертации я положил в портфель. Первый вопрос Максима Матвеевича: «Что в портфеле – доктор-

ская диссертация?». Я говорю «Да» и достаю томик. После этого сразу же был достигнут полный «консенсус», и я приступил к работе 1 сентября 1982 года в должности старшего преподавателя с последующим избранием на должность доцента. Это был ход Максима Матвеевича, чтобы молодым кандидатам наук давать достойную зарплату, так как она сохранялась с предшествующей должности. Мне было поручено начать подготовку студентов по специализации «вычислительная математика». Первый поток этих специалистов и начал свою историю с 1982/1983 учебного года. Дальше все завертелось. Вдруг выяснились проблемы с организацией набора студентов на факультет 1983 года. Поэтому с 1 августа 1983 года я был назначен деканом физико-математического факультета, обеспечивал все мероприятия по вступительным экзаменам физиков и математиков. В конце 1983 года я защитил докторскую в МГУ, и Максим Матвеевич сказал мне, что «пора заниматься делом» и поручил готовить создание кафедры, которая отвечала бы за компьютерные науки, формирование компьютерной базы ВолГУ. В начале лета 1984 года ушел с поста исполняющий обязанности проректора по учебной и научной работе В. Т. Фоменко, и Максим Матвеевич предложил эту работу мне с 1 июня 1984 года. Кафедра вычислительных методов и теории систем управления, переименованная позже по «политическим соображениям» в кафедру вычислительной математики, была создана 17 июля 1984 года. Я заведовал ею с самого начала и до 1989 года, когда назрела необходимость деления кафедры под новые специальности (в 1989 возникли две кафедры, которыми стали заведовать приглашенные уже мной на работу в ВолГУ Е. И. Васильев и А. М. Колодий). Так в 31 год я одновременно оказался доктором наук, заведующим кафедрой и проректором по учебной и научной работе. Трудности работы такого «совмещенного» проректора хорошо описаны в твоих воспоминаниях и у Анатолия Степановича Скрипкина. Мне пришлось пробыть им около пяти месяцев до 4 ноября 1984 года, когда, наконец, согласно нормативам, количество студентов и преподавателей позволило Министерству разделить эту должность на две – проректора по учебной работе и проректора по научной работе. Я был утвержден в должности проректора по научной работе, проработал в ней до июля 1990 года (с небольшим перерывом на организацию лаборатории динамики машин РАН и совместной с РАН лаборатории ла-

зерной физики). До сих пор храню удостоверение за подписью «самого» замминистра Усачева. Проректором по учебной работе с 5 ноября 1984 года стал А. Г. Морозов. О своем периоде в ректорате Александр Гаврилович достаточно красочно рассказал.

– Мы все, пришедшие в 1980-м, были в чем-то первыми. В чем ты был первым в ВолГУ?

М.П.Х.: На мою долю тоже кое-что осталось. Например, я был первым сотрудником университета, защитившим докторскую диссертацию, работая в нем. Наверно, ты помнишь, что Максим Матвеевич очень долго требовал создать стенд авторефератов диссертаций, защищенных преподавателями ВолГУ. Никак не удавалось заставить хозяйку сделать саму доску с прозрачными карманчиками. Кажется, этот стенд возник только в 1987 году, когда руководить службами всерьез взялся Виктор Лаврентьевич Остапенко. Мой автореферат висел в первом карманчике.

Более серьезное достижение связано с «демократизацией». Долгое время университету давались поблажки в правилах назначения на должности. То есть для ускорения процедур и упрощения принятия волевых решений преподаватели вначале принимались на работу, минуя конкурс. Также было и с деканами – их назначал ректор, хотя они должны избираться советами факультетов. Так вот – я был первым деканом, избранным на эту должность тайным голосованием советом физико-математического факультета.

Компьютеризация... Когда я пришел на работу в ВолГУ, уже была огромная электронно-вычислительная машина, кажется, ЕС1030 – клон американской IBM360. А надо было начинать работу с малой техникой, которой у нас в стране почти не было. Я занялся созданием лаборатории. В нее удалось раздобыть несколько мини-ЭВМ и микро-ЭВМ (размером с письменный стол). Наконец, где-то к концу 1983 года удалось «достать» (это универсальное тогда слово ты вспоминал в своей заметке) аж три персональных компьютера Волжского завода ЭВТ. Назывались они ПЭВМ «Агат» (слово «компьютер» отдавало империализмом, его еще не произносили). Для знатоков назову характеристики: оперативная память 256 килобайт (с возможностью расширения до целого мегабайта), монитор – переделанный портативный телевизор «Юность», жесткого диска нет, операционная система и ПО грузятся с 5-дюймовой дискеты объемом 1,2 мегабайта. Как радостно студенты на моем

спецсеминаре программировали на Бейсике первые игры! Тогда же я написал первую методичку – пособие по программированию на Бейсике для гуманитариев. Каково же было мое изумление, когда года три назад, то есть через 20 с лишним лет, на курсах переподготовки муниципальных служащих ко мне подошел человек и сказал, что он учился работать на компьютере по моей методичке, которую ему дал бывший одноклассник – мой студент тех лет.

– Как руководилось наукой в те годы?

М.П.Х.: Наукой в любые годы лучше не руководить. Ей не надо мешать, а, следовательно, поскольку желающих-то поруководить много, науку нужно от них оберегать и создавать условия, чтобы ученые могли свободно работать. Это азы, которым хорошего руководителя и учить не надо. В те годы мы получали (по крайней мере, до меня доходили после фильтра самого Максима Матвеевича) по десятку инструктивных писем в день. А. С. Скрипкин вспоминает совет Л. М. Мовшовича – народную мудрость о том, что срочное дело надо отложить, и оно перестанет быть срочным. Как ты помнишь, я тоже хорошо знал Леонида Матвеевича*, много рыбы вместе съели, но как-то и без совета я быстро научился сортировать эту почту на нужную и ненужную. А уже нужную необходимо было всерьез анализировать и либо отвечать на нее, либо исполнять самому. На подчиненных же следует перекладывать только то, что не смог выполнить сам. В этом я видел одну из задач по обереганию науки от чиновников. Много усилий я потратил на оптимизацию отчетности, разложил по полочкам все требуемые «наверх» формы и разработал некие таблицы, которые легко было заполнить кафедрам и лабораториям, чтобы я уже мог из них сверстать общие отчеты вуза. Для этого как раз и требовалось математическое мышление. Сегодня все опять потеряно, отчеты требуются совершенно невообразимые по своей неструктурированности и бессмысленности (никто же в министерствах и ведомствах не сможет из них составить что-то вразумительное, их невозможно обработать). И, к великому сожалению, как их запрашивают свыше, так они и докатываются до кафедр и научных подразделений.

* Мовшович Леонид Матвеевич – полковник милиции, в 80-е годы зам начальника штаба УВД Волгоградской обл.

Несмотря ни на что, в организации науки была некая разумность. Еще не провозгласили с самой высокой трибуны, что ученого надо оценивать по индексу цитируемости, и академики не заставляли своих подчиненных вписывать ссылки на свои работы по поводу и без оногo. Еще не додумались вузовскую науку мерить в рублях (точнее, в миллионах рублей) и аккредитовать вуз по сумме заработанных его наукой денег (причем, замечу, что норма на вуз в этих самых миллионах сегодня не зависит от его размера, огромный Политех должен заработать столько же, сколько Академия госслужбы со 130-ю преподавателями). А додумались, наоборот, каждому промышленному предприятию выделять достаточную большую сумму, которую оно обязано потратить на научные исследования по своему профилю. Поэтому проблем с хоздоговорами почти не было. Хорошо трудились на этом поприще археологи под руководством Анатолия Степановича Скрипкина и Бориса Федоровича Железчикова, потому что любое серьезное строительство должно было начинаться с археологических изысканий – не повредит ли что-нибудь исторически ценное, а за такие изыскания строители платили археологической лаборатории. Математики работали по заказам «Баррикад», «Тракторного», завода им. Петрова, ОКБ «Роботы» и других известных фирм. Нарастивали объемы работ физики. Им было тяжелее всего, так как им требовалось дорогостоящее оборудование. Даже мебель, стеллажи и прочее должно было быть особым. Максим Матвеевич сумел как-то протащить к нам выставку венгерской фирмы «Метримпэкс». Тема была не по профилю, зато все выставочное хозяйство осталось нам и очень пригодилось в оборудовании лабораторий. Увы, эта выставка также очень пригодилась «писателям», как теперь называют тех, кто пишет жалобы в вышестоящие инстанции. Но это совсем другая история.

Я знаю, что обычно мало кто любит начальство. Поэтому, после многих лет, я всегда немного насторожен при встрече с теми, кто тогда только начинал, а теперь – доктора наук и заведуют кафедрами. Но недавно один профессор с физического факультета рассказал мне, что он помнит, как я сам на своей машине в конце 80-х возил им оборудование, и как им было это приятно. Так что добрые дела, которых даже не замечаешь, все же потом отзываются, пусть и через 25 лет.

– Были ли какие-нибудь запомнившиеся события, связанные с международным сотрудничеством?

М.П.Х.: Конечно, первые успехи в этом деле всегда были связаны с именем Ростислава Ковалевского. Ты блестящий знаток языков и культур, и без тебя было бы очень трудно. Я активно участвовал в программе сотрудничества с Кентским государственным университетом. В 1987 году к нам приехал президент этого университета профессор Майкл Шварц. Поскольку я свободно говорю по-английски, то общение его с Максимом Матвеевичем проходило «без посторонних», что, как мне кажется, способствовало взаимопониманию. Были и поездки на пароходике с икоркой (в то время проблемы с этим не было, надо было только знать, где «достать»). Шварц был поражен жареной икрой. Потом мне поручалось отбирать кандидатуры студентов для направления в Кент по обмену. Гораздо позже, когда я уже не работал в ВолГУ, меня пригласили в Kent State в качестве “visiting professor” – для чтения лекций и научной работы на математическом факультете. Президент Шварц повез меня в свой клуб в горах, где собирались любители форели. Но при этом он все равно вспоминал икру на волжском пароходе.

Была еще очень интересная и одновременно забавная поездка. Как-то так вышло, что на сотрудничество с нами напрашивались африканские государства. Вначале это была страна, называемая Буркина Фасо. Потом в 1988 появилась на горизонте Мавритания – Университет г. Нуакшот. Максим Матвеевич взял меня напарником для поездки туда. Нужно было сделать прививки, кажется, от желтой лихорадки. Максим Матвеевич отказался, сказав, что у нее инкубационный период 25 лет и ему она не грозит. Мы прилетели из Москвы в единственный международный аэропорт Мавритании, кажется, он назывался Нуадибу. Нас вначале поразила таможня – огромные охранники в черных очках, беретах, с автоматами, как небезызвестные тонтон-макуты у Грэма Грина. А в двух метрах от них народ спокойно ходит туда-сюда через стеклянную стену аэропорта (стекла выбиты или вынуты). И тут оказалось, что дальше самолеты до столицы (Нуакшота) летают иногда, без расписания, как наберется народ. Нам стало несколько тоскливо. Однако художественно добрались, побывали в университете, подписали проект договора о сотрудничестве. В это время Мавритания воевала с соседним Сенегалом, и наш посол в Нуакшоте очень хотел узнать по-

дробности о войне. Поэтому он организовал нам экскурсию (с его участием) на реку Сенегал. Война оказалась очень интересная. Там же все родственники. Ночью кто-нибудь переплывает с «берданкой» на другую сторону реки и стреляет в корову. На следующую ночь с другой стороны плывут – убивают или воруют верблюда. А людей ни-ни... Пришлось нам там, сидя на полу, есть жареную баранину из тазика руками. Выжили. Так что довелось повидать и Сенегал, о котором с юности слышал в песне Горюхины.

– А теперь про «совсем другую историю». Ты хорошо помнишь кризис в университете в конце 80-х, жалобы, комиссии. Что можешь сказать по этому поводу?

М.П.Х.: Да тут особо-то сложного ничего нет. Ты в своем рассказе связываешь это с «математическим» подходом к жизни. Все проще. Были люди, приближенные к руководству, с которыми, ввиду отсутствия других специалистов данного профиля, руководство советовалось и к советам прислушивалось. Важно, что эти люди не хотели ответственности (то есть отказывались от очень тяжелой работы декана, проректора), а предпочитали роль «серого кардинала». Потом пришли другие специалисты, доктора наук, профессора, которые много работали. Естественно, что их советы могли оказываться более ценными и не так очевидно направленными на личную выгоду (пусть и не материальную). А привыкшие к «подковерной» игре не хотели сдавать позиции. Тут еще подоспел знаменитый указ об уголовном наказании за «преследование за критику». После этого человек, подписавший жалобу, мог творить безнаказанно все, что угодно. Ну и пошло-поехало. Цель была – сместить ректора и поставить своего, послушного. Умные люди, а не поняли, что любой такой «ставленник» всегда в первую очередь избавляется от тех, кому он обязан, и набирает новых, таких, кто будет обязан ему. Методы были очень грязные. Погиб в области сотрудник в автомобильной катастрофе. Несчастный случай, я читал документы. Пишут в Обком КПСС, что «ректор развалил дисциплину, преподаватели пьяные в рабочее время за городом разъезжают». Обком КПСС (там же нормальные люди были) проверяет заключения экспертов и не реагирует. Пишут в ЦК жалобу на 16 страницах на Обком КПСС. Пишут: «Просим в Обком КПСС не пересылать, так как там нас не признают». В ЦК люди тоже понимающие – пересылают жалобу не в Волгоградский областной комитет партии, а в Советский районный комитет. Те – ко мне, я же был членом райкома. Ну

а я в ответ на 16 страниц пишу 25 мотивированных страниц с цитатами и умозаключениями. Так и жили несколько лет. Но сместить ректора им не удалось. Не скажу, что ректор был во всем прав. Просто я категорически не приемлю тех методов, которые избрала эта «квазиоппозиция».

– А почему ушел из университета? Были же очевидные перспективы?

М.П.Х.: Наверно, частично из-за этих перспектив и ушел. В первых, надоела административная работа. В Ленинградском университете издали мою монографию. С каким трудом удавалось выкраивать на это время и силы. В Волгограде создавалось подразделение Академии наук – Волгоградский отдел Института машиноведения АН СССР. Уже с 1988 года я там заведовал лабораторией по совместительству. Но времени на серьезную работу не хватало. Еще появился горбачевский указ о малых предприятиях, захотелось попробовать свои силы и в «негосударственном секторе», организовал фирму, благо заказов на программирование систем управления было много. В 1989 году Министерство образования предприняло попытку уволить нескольких ректоров, достигших возраста в 65 лет. Приказ был заранее подписан, но еще не разглашен. Наш куратор Руденко вместе со своим коллегой (фамилию не помню, он потом ушел в Минвуз СССР, а тот, в свою очередь, был ликвидирован вместе с СССР) пригласили меня в главк (Главное управление вузов Минвуза РСФСР) и предложили занять пост ректора ВолГУ (ни о каких реальных выборах тогда речи не было – приезжает десант из Москвы, собирают партийный и профсоюзный актив, говорят, что «есть мнение», и все решено). Я не мог так поступить с Максимом Матвеевичем, и мы организовали протесты. Видимо, не только мы, поскольку Минвуз свое решение, противоречащее Кодексу законов о труде, по всем ректорам отменил. Но отношение ко мне со стороны Максима Матвеевича стало несколько настороженным. Он вообще не хотел, чтобы вузом руководил представитель естественных наук, терпел эти науки лишь потому, что без них классический университет немислим. Опять началась какая-то закулисная возня. В июне 1990 года я окончательно перевелся в ИМАШ, где и проработал до 1999 года. Последние годы были совсем тяжкие – государство не давало средств академическим институтам. Мы все получали минимальный оклад – 78 руб. 50 коп. в месяц. Зарабатывали, кто как может. Вот тут и пригодилась моя фирма, прокормила не только меня.

– Сохранились ли контакты с университетом, кого больше всех вспоминаешь?

М.П.Х.: Да, контакты сохранились. Собственно, они и не прерывались. Я был членом диссертационного совета по специальностям «математическое моделирование» и «радиофизика» на физическом факультете, пока он не закрылся в связи с «реформами». Не могу не взять это слово в кавычки. Уже несколько лет естественнонаучные факультеты пытаются восстановить советы по защитам, но ВАК тормозит по явно конъюнктурным соображениям.

Есть научное сотрудничество с кафедрами Е. И. Васильева, А. А. Воронина. Недавно давали заключение как ведущая организация по диссертации с кафедры Л. Ю. Богачковой. Кстати, все трое (доктора наук) начинали работу на моей кафедре. Выступаю на научных семинарах. Недавно меня уговорили выступить на философском семинаре «Интеллектуальные среды». Последние годы я председатель государственной аттестационной комиссии – принимаю госэкзамены, защиты дипломов и магистерских диссертаций на математическом факультете по прикладным специальностям.

Что касается воспоминаний, то я часто думаю о наших встречах в самом начале, когда мы жили в коммунальных квартирах. Максим Матвеевич притормозил выдачу нескольких квартир сотрудникам, чтобы приезжим преподавателям было, где переждать год-другой до получения жилья. Я жил в одной квартире с Володией Кригером, и к нам часто приходил – светлой памяти – Борис Железчиков. С тобой мы познакомились там же. Позже я вселился в один дом с удивительной женщиной – профессором Софьей Петровной Лопушанской. Мы много общались, даже встречали вместе несколько раз Новый год. Мой аспирант садился у нее под дверью с аккордеоном, и вся площадка выходила слушать.

Вот смотрю юбилейный выпуск Вестника ВолГУ, изданный в 2010 году к 30-летию, и вижу, скольких прекрасных людей уже нет. Хорошо бы, хотя бы у тех, кто еще с нами, собрать архив личных фотографий, связанных с университетом, и сделать пополняемый интернет-ресурс по типу Википедии, куда каждый мог бы написать что-то свое.

Р.С. 22 августа 2015 года М. П. Харламов скорпостижно скончался.